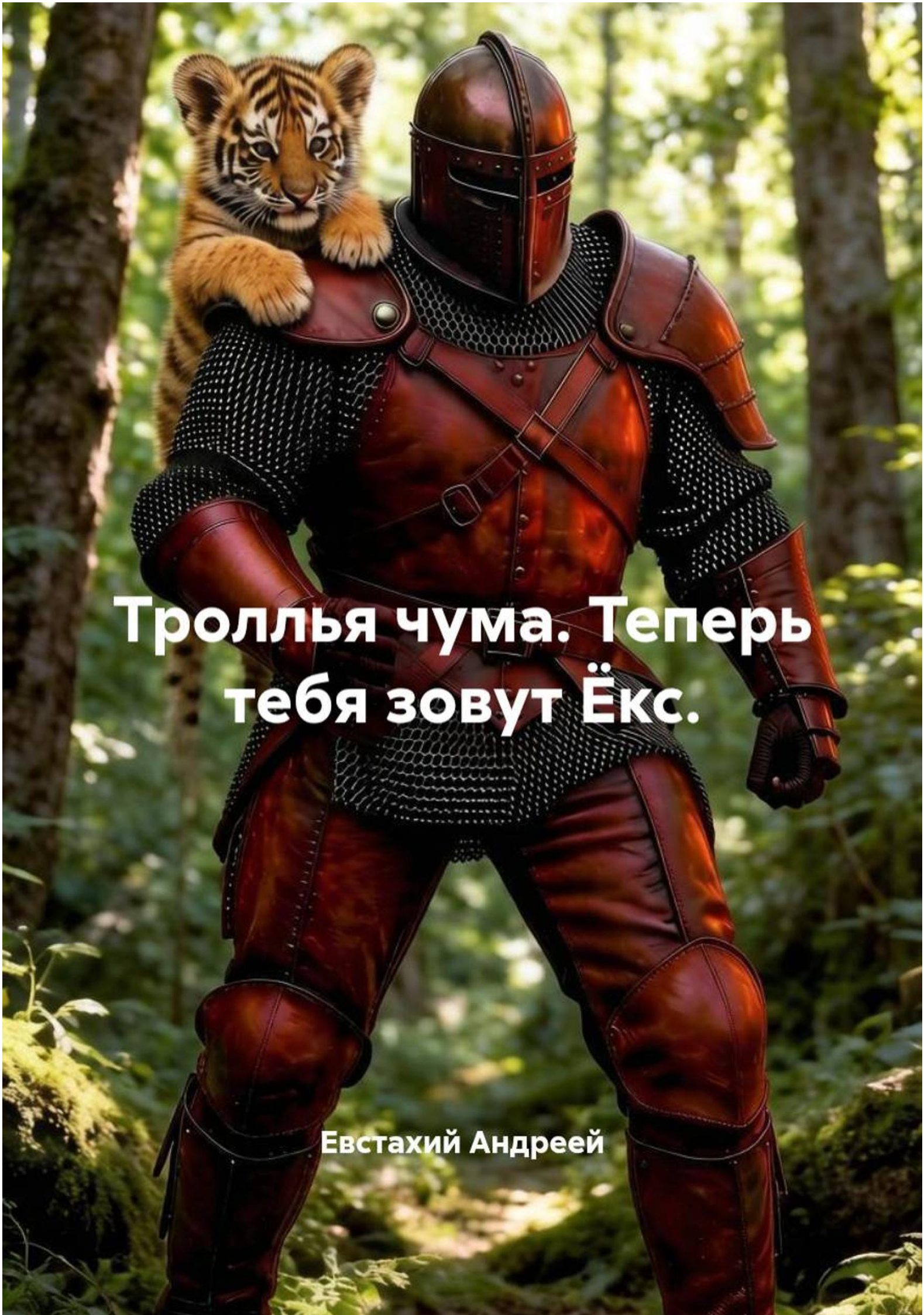

Троллья чума. Теперь тебя зовут Ёкс.

Евстахий Андреей

Евстахий Андреей

Троллья чума. Теперь тебя зовут Ёкс.

«Автор»
2026

Андреей Е.

Троллья чума. Теперь тебя зовут Ёкс. / Е. Андреей — «Автор», 2026

Грид по прозвищу Троллья Чума — единственный в Ревгаре адамантитовый авантюрист. Мэр подарил ему дом на берегу озера, но возвращаться туда не к кому: в десяти комнатах живёт только тишина. Новое дело простое: пятеро троллей у мельницы. Грид берётся за него, не ожидая ничего, кроме работы. Однако на лесной поляне он находит не только чудовищ: возле убитой тигрицы остаётся живой тигрёнок. Тот, кто выжег под корень всех троллей на трактах, впервые решает, что делать с существом, которое не может себя защитить. Короткая история о том, как в пустом доме появляется Ёкс.

© Андреей Е., 2026
© Автор, 2026

Евстахий Андреей
Троллья чума. Теперь тебя зовут Ёкс.

"Троллья чума" – теперь тебя зовут Ёкс.

Озеро пахло тиной, камышом и рыбьей чешуёй, и в этом запахе для Грида было больше покоя, чем во всём Ревгаре с его гильдиями, приказами и почтительными взглядами.

Карась — рыба простая и честная: он не спрашивает, за что тебя прозвали Тролльей Чумой, и не кланяется в пояс, когда его вытаскивают из воды. Он живёт в тине, ест червя и попадается на крючок, и в этом Грид находил утешение, которого не давали ему ни награды, ни слава, ни уважение мэра. Солнце поднялось над дальним берегом, вода сделалась светлой, как разбавленное молоко, и поплавок в ней стоял так отчётливо, что было видно, как карась пробует наживку губами, будто пробует горячее.

К обеду в ведре плескалось девять карасей, самый крупный — с ладонь, самый мелкий Грид отпустил, потому что мелочь пусть растёт. Он вытащил удочку, положил её вдоль борта, взялся за вёсла и погнал лодку к причалу, и вода под днищем шла длинными стеклянными складками.

У причала он привязал лодку тем узлом, которому его научил Дорган, и какое-то время стоял, глядя на воду. Узел держал. Держал и тогда, когда завязывал его отец, и сейчас держал, хотя завязывали другие руки.

В доме было пусто.

Это Грид понял ещё на пороге, хотя ничего не изменилось: две пары сапог у входа, снятые вчера и позавчера, на столе тарелка с засохшей кашей, в углу кольчуга на деревянной стойке, будто человек, сняв её, ушёл и не вернулся. Пыль на подоконнике лежала ровным слоем, и по ней тянулась полоса от локтя. В доме, где десять комнат и один хозяин, беспорядок заводится сам, как мыши. Он никого не ждёт, никого не будит по утрам и не спрашивает, почему хозяин опять ушёл затемно.

Грид выпотрошил карасей, посыпал солью, развёл огонь в очаге и поставил сковороду. Рыба зашипела, брызнула маслом, и по дому пошёл тот запах, который в детстве означал, что все дома и ужин будет общим. Он съел трёх карасей с хлебом, вытер руки о полотенце и огляделся.

— Надо кого-нибудь нанять, — сказал он вслух.

Голос в пустой комнате прозвучал гулко, как в подвале. Грид подумал, что человек, который станет прибирать в этом доме, готовить и топить печи, будет ходить по коридорам, и тогда кто-то в доме всё-таки появится. Мысль была непривычная, и он не успел решить, нравится она ему или нет.

Потому что на столе, рядом с кружкой, светилась карточка.

Зеленоватый свет шёл от неё ровно, не мигая, и в нём было что-то от светлячка в банке: живое, но не своё. Грид давно знал, что это значит. Карточка светится, когда гильдия требует присутствия, и требует она его тогда, когда без него не обойдутся.

Он вытер руки ещё раз, хотя они были чистыми.

Адамантит ему вписали недавно, три недели назад, и он всё ещё не привык к тому, как это звучит: единственный адамантитовый искатель приключений во всём Ревгаре. В городе, где золотой ранг — редкость, а серебряный считается удачей, это означало, что зовут его не на пустяки. Пустяки разбирают угольные, каменные, железные. Железо и сталь выезжают на то, с чем не справились они. А когда зовут адамантитового, дело такое, что всем остальным лучше остаться дома.

Грид подошёл к углу, где стоял Черепокол.

Топор был новый, и вид у него был такой, будто он уже успел повидать больше, чем иные старые. Топорище из адамантия, рукоять из мифрила, два метра от обуха до пятки, пятьдесят килограммов, и в руке он лежал так, будто его выточили по мерке. Биор превзошёл себя. Биор всегда себя превосходил, когда дело касалось работы, и всегда брал так, будто называл не цену топора, а стоимость осады. Грид тогда молча отсчитал деньги, потому что с кузнецом, который тебе как отец, торговаться стыдно, а жалеть о деньгах, отданных за хорошее оружие, глупо.

Он перекинул ремень через плечо, поправил кольчугу, надел глухой шлем с узкими прорезями и в последний раз оглядел дом: сапоги у входа, кружка, пыль на подоконнике.

— Вернусь, — сказал он то ли дому, то ли себе. — Приберусь.

И вышел, притворив за собой дверь.

Дорога до города вышла короче, чем он рассчитывал. Ноги у Грида были длинные, шаг широкий, а привычка не задерживаться в пути держалась в нём крепче многих других.

У южных ворот старший стражи, русоволосый человек с двумя шрамами на скуле, узнал его издалека и поднял руку.

— Грид.

— Джорд.

Больше говорить было нечего, и оба это понимали. Грид прошёл под аркой, и город принял его шумом, запахом жареного мяса, руганью возчиков и той особенной суетой, которая в Ревгаре не стихала никогда.

В зале гильдии пахло потом, воском и мокрой кожей. У доски с заданиями толпились угольные и каменные, у стойки считали монеты, за столами спорили о наградах. Когда Грид вошёл, стало тише. Не до полной тишины, до того неловкого полумолчания, когда все продолжают говорить, но уже вполголоса и все смотрят. Адамантитового в Ревгаре узнавали по походке, потому что лица под глухим шлемом не видно, а по ширине плеч и по топору на плече не узнать его было нельзя.

— Грид! — окликнули сбоку.

Диен стоял у доски, опираясь на копьё, как на посох. Семьдесят восемь лет, бронзовый ранг, отряд «Наследие», самый старый зарегистрированный отряд в гильдии, основанный ещё его прапрапрапрадедом. Древко под его ладонью было отполировано до блеска, наконечник он берёг и чистил, наверное, чаще, чем иные чистят зубы.

Старик подошёл и хлопнул Грида по предплечью, хотя из-за разницы в росте достал едва до локтя.

— Поздравляю, — сказал он. — Адамантит. Во всём городе один, и это ты.

— Спасибо, — сказал Грид. Ладонь старика была сухой и твёрдой, как старое древко.

— Я тебя вот таким помню. — Диен отмерил ладонью от пола. — Орал на весь двор, что вырастешь и всех победишь. Ну что, вырос.

— Не пора ли на покой, старик? — спросил Грид.

Диен усмехнулся, и усмешка у него вышла молодая, совсем не стариковская.

— На покой? Я умру с копьём в руках, и никак иначе. — Он постучал древком об пол, будто ставил печать. — У меня в отряде сын и внук. Думаешь, я их брошу?

— Аркс-то уже взрослый.

— Аркс у меня умный, — с удовольствием ответил старик. — Весь в мать. А Шорл весь в меня, и это его беда.

Они расстались, и Грид пошёл к стойке.

За стойкой сидела Кети. Она стала администратором недавно, об этом в гильдии говорили ещё неделю: молодая, девятнадцать лет, а уже за книгой. Когда Грид подошёл, она подняла голову и увидела его целиком: глухой шлем с узкими прорезями, кольчуга, топор, который иные не подняли бы двумя руками.

Она не отшатнулась. Только пальцы на пере побелели, и книга под ними дрогнула. Голос у неё остался ровным.

— Грид. Дирк ждёт.

— Спасибо.

Он кивнул и пошёл, и слышал, как за спиной у неё наконец вырвался выдох, короткий, как у человека, который слишком долго не дышал.

Дирк сидел в дальнем кабинете за дверью с медной табличкой, разбирал бумаги и не поднял головы, когда Грид вошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.